

Сергей Шведов

Короткими перебежками

Сергей Шведов

Короткими перебежками

«Издательские решения»

Шведов С.

Короткими перебежками / С. Шведов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961960-0

Герои этих коротких рассказов и пьесы хорошо знакомы любому читателю. Пионеры, колхозники, врачи, шабашники, партийные бюрократы, летчики, таксисты, учителя, геологи и водолазы — они живут своей обычной, но фантастической жизнью, в которой реальность сплетается с чудесами.

ISBN 978-5-44-961960-0

© Шведов С.
© Издательские решения

Содержание

1. «ПРОШЛАЯ ЖИЗНЬ»	6
Капуста	6
Колодец	7
Последнее средство	8
Дурная голова ногам покоя не дает	9
Происшествие	10
Террористы	11
Люди подземелья	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Короткими перебежками

Сергей Шведов

© Сергей Шведов, 2019

ISBN 978-5-4496-1960-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. «ПРОШЛАЯ ЖИЗНЬ»

«Хлебом кормят, а срать не пускают!»
Житие протопопа Аввакума.

Капуста

Петя Иванов повадился лазить на колхозное поле воровать капусту. Он и сам не знал, как пристрасился к этому. Просто как-то раз жена послала его в магазин за капустой, а ее не было, ну, он испугался возвращаться с пустыми руками, смотрит – а за забором капустные грядки, залез и схватил кочан. Сидит в капусте, ждет, когда сторожа пройдут, и думает: «И чего она в этой капусте нашла? Все равно выбросит». Взял, из любопытства попробовал, вкусно вроде как показалось. Ну, а потом пошло. Как идет мимо поля, смотрит – нет никого, ну, через забор и в капусту. Одну, другую схватит и назад. Сторожа ругаться стали: кто-то всю капусту поворовал, никак изловить не могут. А он уже так привык к ней, ни в какую не оторвешь. Жена удивляться стала: зачем дома капусты столько, торговлю открывать можно. Но он ее отшивал: молчи, мол, не твое бабское дело в мужские проблемы лезть. Угрюмый стал, бросил работу, с утра до ночи возле поля дежурит, ждет, когда сторожа отвернутся – и тотчас за забор и в капусту. Жена на него рукой махнула, к другому ушла, а он все никак капусту забыть не может. Уже из сил выбился, залезет, нагрузит себя кочанами, аж еле прет. Раз поднял, да так и сел от натуги, с места сдвинуть не может. Тут его и накрыли.

– Ишь ты, какой повадливый, – говорил один сторож другому, когда нес за уши Петю к сторожке. – Отожрался, гад.

Петя не сопротивлялся. Сторож открыл дверцу клетки и пустил его внутрь, к другим кроликам.

Колодец

Дело было этим летом. Внуки приехали к дедушке на каникулы в деревню. Жара, грибы, речка, словом, вот бы отдыхать всю детворе, но одна вещь портит им настроение – старый колодец в глубине сада. Дело в том, что только они хотели первый раз к нему подойти, как дедушка их остановил, запретил, и с тех пор, сколько бы они не подбирались к нему, возникал тут как тут и начинал пугать. То тут у него русалки живут, то водяные, то еще что-то, а то возникли там мертвецы! У нас, говорит он, не как у всех было принято умерших хоронить; те – на кладбище, а мы испокон веку – в колодце. Так что там мертвецы сидят. А ты умрешь, – и тебя туда, спрашивают. И меня, отвечает. Совсем перепугал ребятишек. По всей деревне слухи пошли, что с колодцем неладное. Ну, взрослые, конечно, не верили, а дети тряслись от страха. А все потому, что дед боялся, как бы внуки туда не свалились, потому и выдумывал всякую чушь.

И вдруг дед пропал. Исчез – нигде нету. Внуки испугались – ну. Конечно, мертвецы утащили в колодец. Все дети деревенские в саду собрались, решают, что делать, тем более, что взрослые им не верили до сих пор. Но когда они веревки в сарае нашли и уже внутрь хотели спускаться, старшие тоже обеспокоились: а вдруг! Старика-то не видно! Кран пригнали, экскаватор, даже помпу пожарную – воду выкачивать. И полезли в колодец.

Никаких там мертвецов не нашли. Но зато нашли – клад Наполеона, его казну, там спрятанную, когда он из Москвы бежал, да еще мундиры, барабан, шляпу. Вытащили – вся деревня сбежалась. А тут и дед появился, идет, удивляется, почему тут народу столько, даже забор снесли! Оказалось, он просто в райцентр ездил зубы лечить.

Последнее средство

Вова Брыксин ужасно любил баловаться петардами. Бывало, идет по улице, а впереди какая-нибудь бабка молоко в бидоне несет, так ему непременно надо стрельнуть, чтобы она с испугу его разлила. Или в школе надоест ему, что учительница долго что-то талдычит, он возьмет и стрельнет, а ее потом полчаса в чувство приводят. Или дома за обедом как хлопнет, мать с испугу бабушку горячим супом ошпарит или молоком обольет. Всюду он стрелял: и на улице, и в гостях, и в кино, и в магазине, и дома. Но его за это крепко наказывали, особенно дед – он его просто терпеть не мог. И было за что. Только дед свернет, например, самокрутку, а тот уже у него под ухом возьми, да и хлопни, так дед ее с испугу обычно глотал. Куда это годится?! Озверел дед – совсем курнуть не дают! Он его и бил, и пугал, и ругался, ничего не помогало. Не внук, а сорванец какой-то попался, сладу нет никакого. Думал дед и решил, наконец, применить последнее средство. Он его еще с войны помнил, когда в разведке служил. Взял два литра деревянного масла, подмешал его в... А впрочем, сами додумайтесь. Он просил секрета не раскрывать. Но уже после этого Вова больше на петарды даже смотреть не мог.

Дурная голова ногам покоя не дает

С утра пораньше старик Мандрагоров почувствовал себя хуже некуда – ни с того, ни с сего у него вдруг стала отваливаться голова. Об этом ему еще дочка сказала, поймав ее ложкой в каше, а он, хоть и чувствовал себя не в своей тарелке, но виду не подавал, пока положение не стало угрожающим. Не зная, куда деваться, он забежал по комнате, держась руками за голову, но она упорно не желала сидеть на месте, и ему то и дело приходилось ее искать то под столом, то под буфетом. Наконец, он все-таки кое-как укрепил ее на живую нитку, но тут у него впридачу так заныл зуб, что он не выдержал, заткнул уши и кинулся прочь из дома.

В горбольнице, куда его принесли сами ноги, его у них тут же забрали, уложили на каталку и отправили в реанимацию. Но было поздно – голову он совсем потерял по дороге. Пока ее тщетно разыскивали в укромных местах, старика подняли в реанимацию и отдали под присмотр старшего хирурга Пронатора, который ко всему относился давно уже философски и даже не стал отрываться от любимого чая со сливками.

– Ничего, можно и потерпеть, не смертельно. В войну и не такое видали.

Когда ему доложили, что поиски закончились неудачей, он вздохнул, поднялся, и, произнеся сакраментальную фразу: «Да, свою голову другим не приставишь», – направился к большому морозильному шкафу в дальнем углу.

Раскрыв его, он стал копаться в куче запасных голов, сложенных в металлической сетке внизу, чтобы не побились случайно. Там он нашел одну, очень похожую на старикову, и принес к нему на примерку. А тут еще как раз санитарка Вавилова нашла такую же в мусорном ведре, куда ее по ошибке смели вместе с крошками со стола. Увидев их, старик очень обрадовался, хотя и был близорукий, а очки дома забыл. Но все равно стал тут же примерять каждую по очереди.

– Одна голова хорошо, а две лучше, – решил он, наконец, спрятав одну за пазуху про запас, а вторую водворив на прежнее место. Но тут зуб заныл снова, да так сильно, что его пришлось немедленно заткнуть тряпочкой и бежать к стоматологу. Но это уже другая история.

Происшествие

– Ну-ка, двигай, раскорячился тут на дороге, чертов бугай!

Кричали визгливо, нагло и грубо. Соломатин, возившийся в тамбуре электрички на самом проходе, увидел позади себя перекошенную от злости деревенскую бабью рожу и понял: эта ему не спустит.

– Ничего, подождешь, успеешь, – бормотал он, засовывая в портфель раскатившиеся помидоры и яблоки.

Соломатин возвращался домой от любовницы, жене сказал, что поехал на дачу, для большей убедительности прикупил разных овощей по дороге, а тут перед самым выходом сумка возьмёт, да и лопни, растерял по всему тамбуру. А народ уже сзади прет, подгоняет.

– Что заткнулись-то?! Приехали!

– Шевельни его там!

– Сам шевельни! Он тебе шевельнет! Не видишь, что ли?!

– Эка, боров! Бабка, а ты его по хребтине вытяни, испугается.

Старуха оглянулась, осторожно толкая Соломатина в спину.

– На кой он мне сдался, рогатый черт! Хоть перепрыгивай! Ни в какую нейдет.

Люди заволновались, женщины стали возмущаться.

– Да сдвиньте же его, в самом деле!

– Где милиция! Крикните же кого-нибудь!

Дежурный милиционер уже бежал по платформе к заднему вагону, где скопилась порядочная толпа народу и несмело вытягивала шеи, не решаясь подойти ближе к дверям. За ним, отдуваясь и поправляя то и дело падающую с головы фуражку, спешил толстый машинист. Пробившись сквозь толпу и увидев, что происходит, он заробел, замахал руками и попытался было сбежать, но его окружили со всех сторон плотной массой и решили не выпускать.

– Не видел, не видел, граждане, сам пришел, – бормотал он трусливо негодующим пассажирам.

Дело приняло нешуточный оборот. Испугавшись милиционера, Соломатин бросил помидоры и хотел было скрыться обратно в вагоне, но толпившиеся за ним на проходе люди разом отпрянули, бросились врассыпную, кто-то отчаянно завизжал, брызнула под ногами розовая помидорная мякоть. На платформе раздался резкий милицейский свисток. Пассажиры в панике лезли прямо из окон.

Но не все испугались случившегося. Двое грузин, торговавших у станции персиками, разглядев, что происходит, не сговариваясь, поднялись на платформу по лестнице, протолкались деловито к вагону, на ходу раскручивая большую веревку, быстро и ловко связали ею застрявшему в тамбуре Соломатину рога и под радостные возгласы пассажиров пинками выгнали из вагона. Бык пошел за ними покорно, недовольно помыкивая и жуя свою жвачку.

Террористы

Уже месяц город терроризировали страшные слухи. По вечерам люди боялись выйти на улицы, ночью все дома запирались наглухо, прекращалось движение транспорта, отключалось электричество, радио, не работал телефон, не выезжала «скорая», не показывала носу даже милиция, все боялись слухов. Говорили, что они приближаются, что уже совсем рядом, кое-кто даже видел их на улицах города. Люди не знали, кому верить, но при малейшей опасности все пугались смертельно, думая, что слухи уже ползут...

Первым еще месяц назад слухи заметил Евлампий Савельев, колхозный плотник, мужик непутевый, у которого семь пятниц на неделе, но и то сказать, пока за ним ничего такого не числилось. А тут встал он как-то раз утром, смотрит в зеркало – сам на себя не похож стал, понять ничего не может. Но идти куда надо не захотел, к врачу – боязно, упрячут еще, к бабке Саломонихе и подавно – разнесет, по всему поселку осудят. Закрылся дома и сидит – ни гу-гу. Только чуть погодя стал он замечать, что поползли по поселку слухи один другого страшнее. Люди по домам попрятались, магазины закрылись, колхозники поля и фермы забросили, коровы мычат недоенные, свиньи голодные. Понял Евлампий, что это от него зараза пошла, косяком всех зацепила, и еще больше струхнул – ну, теперь как пить дать посадят, а то, может, и хуже чего, за умышленное заражение. А выйти все равно страшно, вон они сколько народу уже сожрали, полпоселка словно корова языком слизнула.

А тем временем потянулись в город толпы беженцев. Все от слухов спасаются, кто на чем: на машинах, тракторах, комбайнах, велосипедах, на тачках ползут, самые недогадливые на своих двоих ковыляют. Все улицы запрудили, стали табором, слухи, кричат, приближаются, спасайся, кто может.

Городское начальство тоже не знало, что делать. Первым его желанием было, конечно, все эти слухи в зародыше подавить. Но не тут-то было, их еще сперва надо было хотя бы увидеть собственными глазами, узнать, что это такое и чтобы наверху лишнего шума не было. А вот с этим вышла заминка. Устраивали ночные облавы, засады, рыли на дорогах траншеи и надолбы, но все впустую: чем сильнее город укреплялся, тем больше слухов к нему ползло. То там, то здесь вспыхивали беспорядки, начинались погромы, целые части города были захвачены слухами, но несмотря на принимаемые меры, противника не только не удавалось окружить и изловить, но его до сих пор толком никто не видел.

Тем не менее, городской штаб по борьбе со слухами ломился от боевых сводок. Уже тянулись с окраин столбы пожаров, бухали близкие взрывы, а наверху все еще смеялись и называли городских начальников паникерами. Потом, правда, забеспокоились, когда слухи проникли и к ним, и стали присылать подкрепления. Решено было построить глубоко эшелонированную оборону, и теперь три недели подряд население всего города работало на улицах, возводя невиданных размеров валы, стены и баррикады, солдаты минировали дороги, ставили между домами танки и пушки, но слухи оказывались проворнее и проникали сквозь все возводимые укрепления, размножаясь, как мухи в помойной яме. Паника достигла небывалых размеров, обезумевшие люди бежали из города куда глаза глядят, бросив на произвол судьбы все накопленное добро, сходили с ума, выпрыгивали из окон.

Власти запросили о помощи, и тогда к городу стали стягиваться регулярные части. На военном совещании в центре решено было взять очаг слухов в кольцо, никого оттуда не выпускать и назад не впускать, и если через неделю они не сдадутся сами, начать планомерное их уничтожение при помощи всех средств, не исключая и самые сильные. Однако через несколько дней командование с тревогой стало замечать проникновение врага и на уже отвоеванную территорию, укрепленную по последнему слову военной техники. Среди солдат поползли панические настроения, заколебались даже опытные офицеры, в штабах и тылах

началось массовое недовольство и разложение. Решено было действовать незамедлительно. Войска вошли в город с трех сторон, нанося противнику сокрушительные удары. Однако победа давалась очень непросто, с боем приходилось брать каждый дом. Кроме того, большие помехи движению войск создавала подпавшая под влияние слухов часть населения, оставшаяся еще в городе, не давала вести обстрел, применять маскировку, мешала коммуникациям, словом всячески вредила наступлению наших частей. В результате целые районы города подверглись тотальному разрушению с большим количеством жертв. В конце концов, противник был полностью нейтрализован и истреблен, и войска генерала Дуроломова водрузили в центре города знамя родной дивизии. Кризис, угрожавший самой безопасности государства, наконец-то закончился.

Люди подземелья

Поздней осенью, когда разбомбили их дом, Минусинская с сыном переехали жить в подвал. Электричества не было, газа тоже, за водой ходили на угол к разорванным взрывом трубам, из которых она вытекала тоненьким ручейком. Еду готовили на улице возле обрывков газового коллектора, откуда со свистом были струи свежего газа. Зажигали спичками факел прямо из труб и осторожно устраивали очажок – могло и взорваться, как в соседнем дворе, где на днях убило семью. Потом, когда бои начались на соседних улицах, совсем рядом с подвалом, еду перестали подвозить вовсе, выбраться днем на поверхность тебе было нельзя из-за рвущихся непрерывно снарядов и града пуль, свистевших среди развалин, так что, как сказала Минусинская, оставалось только копыта отбросить. Рядом рухнули перекрытия, завалив половину занимаемой ими площади, к тому же вечером на оставшуюся нетронутой территорию пробрались несколько стариков и старух из засыпанных нор по соседству, жить стало просто негде, и надо было срочно найти выход из положения. Мать сказала: иди!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.